

UDK 811.162.3'367.625

811.161.1'367.625

811.163.2'367.625

Izvorni znanstveni rad

Rukopis primljen 22. II. 2013.

Prihvaćen za tisak 24. X. 2013.

Margarita Mladenova
 Sofijski universitet „Sv. Kliment Ohridski”
 Bul. Car Osvoboditel 15, BG-1504 Sofija
 margo@slav.uni-sofia.bg

ПОРЯДОК СЛОВ И СЕМАНТИКА В СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИИ ГЛАГОЛОВ *MÍT/ИМЕТЬ/ИМАМ* (В ЧЕШСКОМ, РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ)

В докладе рассматривается употребление глаголов *mít/иметь/имам* с учетом изменения их значения в результате изменений порядка слов и с учетом вопросительных предложений. Особенно интересным оказалось употребление глагола *mít* в чешском языке, т.к. порядок слов в чешском предложении определяет в каком значении он употреблен – посессивном или модальном. Рассматриваются случаи типа *Proč to má dělat? Má to proč dělat?*, когда порядок слов в чешском определяет совершенно разные эквиваленты на болгарском и на русском языках. При том значении во втором случае тоже трудно однозначно интерпретировать как посессивное или грамматикализованное. На фоне употребления этих глаголов со значениями посессивными, экзистенциальными, грамматикализованными и фразеологизованными оказывается, что модальное значение чешского глагола *mít* в вопросительных предложениях прямо зависит от порядка слов. В переводах на болгарский и на русский языки значение чешских выражений однозначно определяется их модальным или посессивным соответствием как б. *трябва / има* или р. *должен / есть*.

Проблема выражения посессивных отношений не нова для современного языкознания. Способам выражения посессивности посвящен ряд работ сугубо грамматического и типологического характера (см. Isačenko 1973, Ницолова 2012, Купа 2012 и мн. др.). Вообще сознанию о притяжании в психологии современного человека посвящены и усилия многих

философов (напр. Фром 1996). Языковой реализации посессивности при помощи глаголов *esse* и *habere* посвятил свою большую студию Э. Бенвенист (1974). В болгарских исследованиях большое место уделяется и проблеме своего и чужого как основной оппозиции в обществе, особенно в связи с целостной перестройкой общества в конце XX и начале XXI вв. (см. Костадинова 2008 и указанную там библиографию). Все эти исследования рассматривают разные аспекты посессивности с точки зрения языка как системы, или в сосюрховской схеме, с точки зрения *langue*. Менее внимания уделяется обычно синтагматическим реализациям (по-сосюрховски *parole*), у которых больше всего проявляется влияние непосредственного или ширшего контекста, связанного с порядком слов и остальными элементами линейной организации речи.

В этой работе рассматриваем употребление в чешском, русском и болгарском языках глаголов *mit/иметь/имам* с учетом изменения их значения в результате изменений порядка слов. Эти три глагола являются семантическими эквивалентами лат. *habere*, рефлексам псл. **(j)ьmĕti* и на первый взгляд могут быть эквивалентами между собой. С типологической точки зрения чешский, русский и болгарский языки принадлежат к разным группам по определению А. В. Исаченка (1973) – чешский и болгарский проявляют особенности *habere*-языков (выражают посессивность при помощи глаголов *mit/имам*, а русский язык принадлежит к типу *esse*-языков, т.к. в количественном отношении самый популярный способ выражения посессивности в русском – при помощи т. наз. *у*-конструкции – *у меня/тебя/него (есть)/был/будет*, хотя глагол *иметь* тоже встречается. Однако его стилистическая маркированность как средство административного и книжного стиля обычно является достаточной причиной не заниматься им как средством выражения посессивности в русском языке. В рассмотренном нами оригинальном русском материале из книги М. Булгакова „Мастер и Маргарита“ он оказался довольно подходящим средством для выражения стилистических оттенков художественного текста и для характеристики героев, так что необходимость исследовать и его синтагматические употребления остается актуальной задачей. Что касается *у*-конструкции, она исследована как с учетом обычной элизии формы настоящего времени глагола *быть – есть* (см. напр. Иванова 2009: 154–159), так и в исторической перспективе – как один из древних способов выражения посессивности, который находился в прямых отношениях с экзистенциальностью и наверное существовал еще до появления чисто посессивного значения глагола *иметь* (Savický 2005).

Кроме того оказалось, что в каждом из рассматриваемых трех славянских языков у глаголов *mít/иметь/имам* развилось большое количество несхожих между собой непосессивных значений, чью семантическую сторону можно выявить только в контексте конкретного предложения и с учетом взаимных переводов. Значения употреблений глаголов *mít/иметь/имам* можно классифицировать в 4 основные группы – посессивные, экзистенциальные, грамматикализованные и фразеологические. Все они проявляются во всех трех языках, но их распределение не одинаково ни в количественном, ни в качественном отношении. Особенно сильно выделяются экзистенциальное значение в болгарском (напр. *Екзекуция не е имало! Има хора, които...* ‘Экзекуции не было! Есть люди, которые...’), но и в чешском (напр. *Dnes máte pěkné počasí.* ‘Сегодня хорошая погода.’) и модальное значение, которое развилось в чешском языке (напр. *Vy byste takové věci říkat neměl.* ‘Кому-кому, но не вам это говорить.’). Мы здесь остановимся на три типа употребления этих глаголов, в которых проявляются подобные значения.

1. Экзистенциальные значения типичны и хорошо описаны для болгарского языка (в связи с употреблением неизменяемого по лицу и числу *има* ‘есть, существует’ – см. напр. Стоянов 1973, Ницолова 1990) и особенно ясно проявляются в процессе перевода, где им соответствуют ч. *být* и р. *byť*:

- (1) б. *в него **имаше** нещо, което я смущаваше*
р. *в нем **было** что-то смущавшее ее*
ч. *v něm **bylo** něco znepokojujícího*

В примере (1), где появляется локализация, порядок слов в трех языках одинаков, но в экзистенциальных предложениях без локализатора (2) порядок слов с участием глагола *имам* в болгарском отличается инициальной позицией предикатного глагола в рамках синтагмы, которая появляется систематически в подобных конструкциях. Например в оригинальном болгарском предложении из романа Д. Димова „Табак“:

- (2) б. ***Имаше** трима Барутчиеви*
р. *Барутчиевых **было** трое*
ч. *Barutčievové **byli** tři*

С точки зрения темо-рематического членения¹ предложения ремой в этом примере является числительное *трое*, которое в конструкциях с глаголом *быть* в русском и чешском остается в конце предложения, но в бол-

¹ См. здесь текст А. Пети-Стантич (Informačijska struktura i fonološko-sintaktičko sučelje), где представлены теории связанные с функциональной перспективой предложения, как и синонимические термины, которыми называют основные элементы актуального членения предложения топик-фокус и т.д.

гарском конструкция с глаголом *има* меняет порядок слов и рематическое числительное остается на втором месте, а в то же время существующий субъект занимает последнее место. В случае замены болгарского глагола на *съм*, конструкция возможна и у нее порядок слов подобен порядку слов в русском и чешском, но с семантической точки зрения болгарские предложения не идентичны: 1) *Барутчиеви бяха трима* можно употребить только в актуальном значении, т.е. оно означает ‘Барутчиевы пришли втроем, Барутчиевы здесь втроем’, а *Имаше трима Барутчиеви* означает вообще существование трех братьев. 2) Оказывается, что в болгарском глагол *има* (так наз. безличный) меняет порядок слов и выражает неосложненную локализатором экзистенциальную семантику, а глагол *съм* выражает актуальное присутствие в определенном месте, а не существование вообще. Иными словами, у безличного (неизменяемого по лицу и числу) *има* появляется самостоятельное управление порядком слов наряду с присвоением уже систематического для болгарского языка экзистенциального значения. В исследованиях экзистенциальности, особенно в русском, но и в болгарском вопрос о реализации этого значения без помощи локализатора бывает объектом дискуссий. В анализах только русского языкового материала и на основе логических интерпретаций подчеркивается, что даже когда локализатор не эксплицирован, он подразумевается, т.к. все существует где-то в мире (см. Иванова 2009: 142–144). Можно только отметить, что логическая пресуппозиция существования действительно связана с представлением, что все существует где-то в мире, но это не влияет на возможность языковыми средствами выразить существование без экспликации какого бы то ни было локализатора. В этом отношении болгарский язык предоставляет интересный материал, т.к. локализатор ‘где-то в мире’ (= б. *на света*) употребляется в действительных предложениях, но его значение в таких употреблениях не локативное, а чисто стилистическое – только подчеркнуть вообще признание существования чего-то. Действительная роль настоящего локализатора состоит в том, чтобы определить конкретное место, а если допускается, что что-то находится где-то в мире, то это практически означает отсутствие локализатора.

В болгарском очень важную роль для дистрибуции глаголов *има* и *съм* (безлично-экзистенциальных) играет категория определенность/неопределенность именной группы (см. Стоянов 1973: 195, Ницолова 1977: 81–87, Feleszko 1977). Так неопределенность полагает употребление предиката *има* (что логически соответствует и формальному отсутствию локализатора), тогда как определенность (которую выражает не только определительный член, но и имена собственные) предполагает употребление

предиката *съм* (см. напр. *Иван е в стаята.*, но невозможно **Иван има в стаята*. Предложение с глаголом *има* возможно только в случае неопределенности, т.е. когда реч идет о неизвестном человеке по имени Иван – *Има Иван в стаята, но той не бил Петров, а Георгиев.*). Исключением из этого правила является только случай употребления двойного дополнения (типа *мене ме има на снимката*), когда возможно употребить предикат *има* при наличии определенности (см. Korytkowska 1974: 206–207).

Экзистенциальное значение у глаголов *mít/иметься* существует тоже в чешском и в русском языке, но основная разница между ними и болгарским проявляется в том, что экзистенциальное значение в чешском и в русском не отражается на формальном уровне. Болгарское неконгруэнтное *има* на их фоне резко отличается своей формализацией и большим количеством этих употреблений (см. количественные параметры в статье Младенова 2008).

2. Модальность выражает глагол *mít* в чешском языке. Из трех рассматриваемых языков только чешский характеризуется систематическим развитием такого значения у основного посессивного глагола. Отправной точкой нашего анализа порядка слов является обстоятельство, что в трех рассматриваемых языках определенные позиции в рамках предложения специализированны в разной степени к заполнению разными членами предложения в зависимости от его темо-рематического членения. Обычно в начале сообщительных предложений появляется тема предложения (в болгарском и в русском это прежде всего именная группа субъекта/подлежащего²²). В конце предложения положение осложняется. Так например в чешском (литературном) языке в сообщительных предложениях последнее место выделено для главной части ремы, но в русском и в болгарском рематическая часть обычно не остается в самый конец предложения, за ней часто следует комплемент, прежде всего обстоятельственного характера. В этом отношении нельзя вполне согласиться с А. С. Мельничуком, который рассматривает славянские языки как несущие одинаковые особенности в связи с порядком слов (Мельничук 1958). Взаимные переводы между тремя рассматриваемыми языками показывают, что именно в начале и в конце предложения приходится разительно менять порядок слов, чтобы не потерять смысловой или стилистической эквивалентности. В самых коротких/простых случаях (3), (4) порядок слов действительно может выглядеть похоже, но там, где предложение осложняется (5), не трудно заметить, что даже членение на синтагмы не помогает объяснить разительные различия:

---

²² О болгарско-чешском сопоставлении в этом духе писали Св. Иванчев (1978); А. С. Мельничук (1958: 10–11)

(3)	(4)	(5)
р. <i>Знаю, что говорю</i>	<i>и где говорю</i>	<i>кому-кому, но не вам это говорить.</i>
ч. <i>Vím co mám říkat</i>	<i>kde to mám říkat</i>	<i>vy byste takovéhle věci říkat neměl.</i>
б. <i>Какво говоря</i>	<i>къде го говоря</i>	<i>всеки друг може да твърди това, само не и вие.</i>

Здесь болгарский и чешский пример являются переводом с русского оригинала. В (3) и (4) глагольные формы появляются в конце предложения, но они не являются ремой в предложении, рематическую нагрузку несет вопросительное слово (*что/со/какво, где/kde/къде*). В то же время в примере (5) рема *не вам* выступает в конце предложения только в болгарском переводе, в русском оригинале за ней следует прямой объект и сам предикат, а рема выделяется только интонацией. С точки зрения перевода интересной трансформацией проходит этот пример в чешском языке, где в конце (5) модальное употребление глагола *mít* является рематическим и хотя оно формально не совпадает с русским оригиналом, эквивалентность двух предложений обеспечивается именно модальной семантикой глагола, которая прямо указывает на субъекта и его ожидаемое правильное поведение. Рематический глагол занимает свое типичное последнее место, которое в чешском выделено для ремы.

На специфические особенности порядка слов в трех языках с учетом тема-рематического членения предложения указывают и следующие примеры, где глагол *mít* появляется только в чешском языке как перевод русских конструкций (6), в которых модальная семантика не всегда эксплицитована (7), (8):

р.	ч.	б.
(6) <i>Не надо, товарищи, завидовать.</i>	<i>Závidět se nemá, soudruzi.</i>	<i>Не бива да завиждате, другари.</i>
(7) <i>Так что же делать?</i>	<i>Co si mám tedy počít?</i>	<i>Но тогава какво да правя?</i>
(8) <i>Хорошо-с, но самому-то зачем же бегать?</i>	<i>proč byste se za ním měl štvát sám?</i>	<i>Да, добре, но защо да тичате вие?</i>
(9) <i>иностранцам полагаεται жить в “Метрополе”, а вовсе не на частных квартирах</i>	<i>cizinci rozhodně nemají bydlet v soukromých bytech</i>	<i>редното е чужденците да живеят в Метропол, а не в частни квартири</i>

- (10) *Так кто же я такой*   *Jak se...mám dívat na*   *И какъв съм значи*
выхожу?   *sebe?*   *тогава аз?*

Как видно, в случае употребления чешского глагола *mít* с модальной функцией, когда формируется двучленный предикат, рема переходит на модальную часть и в чешском предложении является в конце предложения (6), если не учитывать самостоятельное место вокативной формы *товарищи/soudruzi/другари*. В то же время в русском и болгарском модальные соответствия чешского *mít* остаются в инициальной позиции. Как видно из болгарского перевода, модальная семантика, которую выражает р. *не надо* и ч. *se nemá* переводят на болгарский язык итеративной формой глагола *съм – бива* (< *взивати*), которое в современном болгарском языке радикально изменило свое значение и превратилось в средство выражения модальности, особенно активной в случаях негативной облигаторности (*бива – не бива* ‘можно – нельзя’). Это указывает на тесную связь основных глаголов с экзистенциальной и посессивной семантикой с одной стороны и модальной семантикой с другой стороны. Их реализации в трех современных языках не совпадают.

В случаях, когда модальная семантика в русском не эксплицирована (7) и (8), в чешском появляется *mít* как основное средство выражения ослабленной облигаторности, точно так же, как в болгарском *да*-конструкция. С учетом тема-рематического членения предложения интересны примеры (8) и (10), где в русском рематические *самому-то, я* занимают место в начале вопросительной синтагмы, а в чешском и болгарском их эквиваленты *sám, vie; na sebe, аз* находятся в конце предложения. При контрастных конструкциях (9) порядок слов в трех языках удивительно совпадает.

Модальная семантика проявляется и у болгарского глагола *имам*, но здесь она не является так систематической, как в чешском. 1) В болгарском она стилистически маркирована – связана с разговорной речью и обозначает ожидание, обычно чего-то неприятного (б. *има да чакаме, има да ни разказва небивалици*; р. *будем долго ждать, будет нам рассказывать басни*; ч. *to se načekáte, bude nám vykládat báchorku*) или даже угрозу (б. *за да знаеш, че има да се пролива още кръв. Не се обаждай никъде, Римски, че **ще има да патиш!***; р. *чтобы ты знал, что крови **еще будет.***; *Не звони, Римский, никуда, **худо будет.*** ч. *abyš věděl, že krev tu **ještě poteče.***; *Nikam nevolej, Rimskij, nebo **bude zle.***...). Как видно, в русском и чешском ей соответствуют простые формы будущего времени. 2) Ее употребление в болгарском ограничено регулярным

употреблением будущего времени, которое образуется систематически при помощи частицы *ще*. Но в формальном отношении употребление глагола *има* подобно экзистенциальному – оно выражается только формой 3 л. ед. ч., т.е. мы можем рассматривать его форму как петрифицированную. Этот тип употреблений в болгарском имеет переходный характер между модальным и темпоральным значением и поэтому мы должны рассматривать его в непосредственной связи с грамматикализацией отрицания в будущем времени формой *няма да* + спрягаемый глагол (*ще плаче – няма да плаче – буд. вр.; има да плаче – эпистемологическое модальное значение, которое существовало в подобных конструкциях в старославянском – см. Pallasová 2005*). С формальной точки зрения положительная и отрицательная форма глагольной конструкции с *има* (*има да... – няма да...*) должны быть коррелятами, но в действительности будущее время без модального оттенка выражает только отрицательная форма (семантический коррелят *ще...* – буд. вр.), а положительная остается ближе к старославянскому переходному модально-будущему значению.

В болгарском встречается еще одно модальное значение глагола *има* – тоже связанное с намерением на будущее – *имам работа в склада, имам да уча*. Эти случаи семантически подобны чешской ослабленной облигаторности (*mám práci ve skladě, mám se učit*). Их русский перевод тоже выражается посессивной *у*-конструкцией – *у меня дела на складе, у меня уроки*. Как показывают примеры, этот способ выражения облигаторности, связанной с будущим, прямо связан с посессивной семантикой в современных трех языках и наверное исторически старше, чем остальные модальные значения посессивных конструкций.

3. Для нашей работы очень важно учесть порядок слов в **вопросительных предложениях**, т.к. у них порядок слов весьма специфичен и часто остается мимо полезрения исследователей. Особенно интересным оказалось употребление глагола *mít* в вопросительных предложениях в чешском языке, так как порядок слов в чешском предложении в большой степени определяет в каком значении он употреблен – посессивном или модальном. Нужно подчеркнуть, что в чешском языке вопросительное предложение образуется без помощи вопросительных частиц. Разница между общим вопросом и сообщительным предложением определяется только интонацией (*Je to on. Jsou tu všichni*. могут быть без перемены порядка слов сообщительными и обще вопроси-

тельными предложениями.) Иначе обстоит дело в предложениях с вопросительными словами типа:

(11) ч. *Kdo to má dělat?* р. *Кто должен это делать?* б. *Кой (трябва) да го прави?*

(12) ч. *Proč to má dělat?* р. *Почему должен это делать?* б. *Защо (трябва) да го прави?*

(13) ч. *Jak to má dělat?* р. *Как должен это делать?* б. *Как (трябва) да го прави?*

Здесь первое место в предложении занимает вопросительное слово, которое можно рассматривать как рематическую часть предложения. Глагол *mít* в этих трех случаях употреблен в своем модальном значении, которому соответствует и двучленный предикат, где *mít* является первым членом, а в конце предложения остается главный глагол. В этом случае перевод осуществляется при помощи предикативных конструкций с р. *должен* и б. *трябва*. В болгарском употребление модального *трябва* не обязательно, т.к. болгарская *да*-конструкция сама по себе выражает значение ослабленной облигаторности. Как видно, в вопросительных предложениях с вопросительным словом в чешском языке первое место занимает рематическое вопросительное слово, а в конце предложения находится предикат.

В случае изменения порядка слов в чешском, когда между двумя глаголами появляются другие члены предложения, значение резко изменяется и превращается в экзистенциальное, которое возможно только у предложения с вопросительным *proč*:

(12a) ч. *Má to proč dělat?* р. *Есть почему это делать?* б. *Има ли за какво да го прави?*

Изменение значения происходит из-за перемены грамматических связей в предложении – в примере (12) имеем дело с двухместным предикатом *má dělat*, а в случае (12a) это два самостоятельные предикаты и вопросительное слово относится только ко второму (*dělat*), а предикат *má* самостоятелен и употребляется в своем основном посессивном значении. В этом случае очень четко выступает роль контактной позиции вопросительного слова с глаголом, которая определяет характер предикатных связей. Варианты остальных предложений возможны при изменении не только порядка слов, но и самих членов предложения:

(11a) *Má to dělat kdo?* *Должен делать это кто?* б. *(Трябва) да го прави кой?*

(13a) *Má to dělat jak?* *Должен это делать как?* б. *(Трябва) да го прави как?*

Как видно из (11a) и (13a), при изменении порядка слов модальное значение глагола не изменилось, новый порядок слов указывает только си-

льно эмфатическую нагрузку (на границе возможного в обоих языках), которую несет вопросительное слово (местоимение или наречие) в конце предложения. В то же время в (12a) значение глагола *mit* превратилось в экзистенциальное, как видно из переводов на русский и на болгарский язык. При том показателем различия между модальным и экзистенциальным значением является только взаимное расположение вопросительного слова и глагола, когда глагол является непосредственным антецедентом вопросительного слова. В остальных случаях экзистенциальное значение может выражать глагол *быть/byt*: *Je, kdo by to dělal? Есть, кто бы это делал?* Здесь главную роль играет характер вопросительного слова.

В заключении можно сказать, что собственная лексическая семантика глагола четко проявляется при формировании порядка слов. Это видно прежде всего у болгарского экзистенциального употребления глагола *има*, который резервирует про себя инициальную позицию в предложении. То же самое можно сказать и о вопросительных предложениях с вопросительными словами в чешском, где перемена порядка слов может быть проявлением чередования модального значения с экзистенциальным, которое обычно не привлекает внимание исследователей.

Литература:

- БЕНВЕНИСТ, ЭМИЛЬ 1974. Глаголы „быть“ и „иметь“ и их функции в языке. *Общая лингвистика*, Москва: Прогресс, 203–224.
- FELESZKO, KAZIMIERZ, 1977. Z problematyki zdań egzystencjalnych w języku polskim i bułgarskim. *Kategorie werbalne w języku polskim i bułgarskim. Materiały na konferencję naukową polsko-bułgarską w Warszawie 23–25. XI. 1977*, Warszawa, 9–13.
- ФРОМ, ЕРИХ 1996. *Да имаш или да бъдеш. Дилемата на човешкия избор*. Превод Л. Енева. София: Кибеа. 332 с.
- ISAČENKO, ALEKSANDR V. 1974. On „have“ and „be“ languages (a typological sketch). *Slavic Forum Essays in Linguistics and Literature*, The Hague – Paris.
- ИВАНОВА, ЕЛЕНА Ю. 2009. *Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Т. 2. Синтаксис*. София: Велес. 335 с.
- ИВАНЧЕВ, СВЕТОМИР 1978. Наблюдения върху употребата на члена в българския език. *Помагало по българска морфология. Имена*. Съст. П. Пашов. София: Наука и изкуство, 186–211.
- KORYTKOWSKA, MAŁGORZATA 1974. Predykat *ima* wobec *sām* we współczesnym języku bułgarskim. *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, t. XIV, Warszawa: PWN, 203–211.

- КОСТАДИНОВА, МАРГАРИТА 2008. *Опозицията свой/чужд в чешкия и българския език*. София: Стигмати. 119 с.
- KUNA, BRANKO 2012. *Predikatna i vanjska posvojnost u hrvatskome jeziku*. Osijek: Filozofski fakultet Sveučilišta J. J. Strossmayera u Osijeku.
- МЕЛЬНИЧУК, АЛЕКСАНДР С. 1958. Порядок слов и синтагматическое членение предложений в славянских языках. *IV Международный съезд славистов*, Киев: Изд. АН УССР. 63 с.
- МЛАДЕНОВА, МАРГАРИТА, 2008. Глаголът *mít / имам / иметь* в преводи между славянските езици (чешки, български и руски). *В търсене на смисла и инварианта*. Сборник в чест на проф. Дина С. Станишева, София: УИ “Св. Климент Охридски”, 249–266.
- НИЦОЛОВА, РУСЕЛИНА 1990. Екзистенциалните изречения с глаголите *esse* и *habere* в българския език в съпоставка с другите славянски езици. *Съпоставително езиковедие*, XV, № 4–5, 236–242.
- НИЦОЛОВА, РУСЕЛИНА 2012. За формалните промени при граматикализацията. *Езикът на времето. Сборник с доклади по случай 70-годишния юбилей на проф. д.ф.н. Иван Куцаров*, Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски”, 50–58.
- PALLASOVÁ, EVA 2005. Staroslověnské infinitivní konstrukce s iměti a hotěti. *Slavia*, 74, № 2–3, 149–156.
- SAVICKÝ, NIKOLAJ P. 2005. Existenciální věty v historické perspektivě: osudy indoevropského *es-. *Slovo a slovesnost*, 66, №4, 261–269.
- СТОЯНОВ, СТОЯН 1973. Синонимни изрази с глаголите *съм* и *имам* в българския език. *Славистични изследвания*, № 3., София: Наука и изкуство, 191–199.

Источники языкового материала

- БУЛГАКОВ, М. *Мастер и Маргарита*, электронная версия.
- BULGAКOV, M. *Mistr a Markétka*, электронная версия.
- БУЛГАКОВ, М. 1977. *Майсторът и Маргарита*. Велико Търново: АБ.
- ДИМОВ, Д. 1953. *Тютюн*. София: Народна култура.
- ДИМОВ, Д. 1973. *Tabák*. Praha: Nakl. Svoboda.
- ДИМОВ, Д. 1975. *Табак*. Москва: Прогрес.
- ГАШЕК, Я. 1963. *Прохождения бравого солдата Швейка во время мировой войны*. Москва: ГИ художественной литературы.
- НАШЕК, J. 1975. *Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války*. Československý spisovatel.
- ХАШЕК, Я. 1986. *Приключенията на добрия войник Швейк през световната война*. София: Народна култура.

Red riječi i semantika u upotrebi glagola *mít/иметь/имам* (u češkome, ruskome i bugarskome jeziku)

Sažetak

U radu se obrađuje upotreba glagola *mít/иметь/имам*, pri čemu se uzimaju u obzir promjene u semantici kao posljedica promjena u redu riječi, osobito u upitnim rečenicama. Upotreba češkoga glagola *mít* posebno je zanimljiva jer red riječi u češkoj rečenici određuje je li značenje posvojno ili modalno. Promatraju se rečenice kao *Proč to má dělat?*, *Má to proč dělat?*, jer različit red riječi u češkom zahtijeva potpuno drugačiji prijevod u bugarskom i u ruskom jeziku. Čak štoviše, značenje upitnog *Má to proč dělat?* ne može se jasno interpretirati kao posvojno ili gramatikalizirano. U osnovi različitih uporaba istraživanih glagola, u njihovu posvojnom, egzistencijalnom, gramatikaliziranom i frazeologiziranom značenju, pokazuje se da modalno značenje češkoga glagola *mít* u upitnim rečenicama izravno ovisi o redu riječi. Značenje čeških izraza može se jednostavno odrediti kao modalno ili posvojno preko njihovih bugarskih ili ruskih ekvivalenata, kao što su bugarski *трябва/има* ili ruski *должен/есть*.

Ключевые слова: посессивность, экзистенциальность, модальность, локализация, типология языка, чешский язык, русский язык, болгарский язык

Ključne riječi: posvojnost, egzistencijalnost, modalnost, lokalizacija, tipologija jezika, ruski, češki, bugarski jezik